

В. А. ЯНИН,

заведующий кафедрой археологии исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук,
профессор, академик, член президиума РАН,
Почетный доктор СПбГУП

ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕМУ

Когда меня пригласили на эту замечательную конференцию, я задумался о том, что же было той генеральной идеей, которая руководила всем творчеством Дмитрия Сергеевича. Нужно сказать, подобные идеи легко отыскивать в публицистике, а не в научных трудах, для которых, как это очевидно, направляющей идеей является стремление решить конкретную исследовательскую задачу. К счастью, работам Дмитрия Сергеевича свойственно неременное сочетание обеих целей: решая конкретную задачу, он всегда умел извлечь из результата исследования высокую и поучительную мысль, направленную на формирование общественного нравственного идеала.

Для того чтобы вы поняли ход моих мыслей, я хотел бы сначала обратиться к опыту личного полувекового общения с Дмитрием Сергеевичем, каждая встреча с которым оставляла глубокий след в памяти. Я познакомился с ним в 1952 году в Новгороде, на раскопках. Он захотел их посетить в связи с продолжающимся второй год открытием берестяных грамот, число которых с каждым днем стремительно увеличивалось. Новгород, как это хорошо известно, был для Дмитрия Сергеевича своего рода Меккой. Начальной истории новгородского летописания была посвящена его диссертация. В 1945 году был опубликован его очерк культуры Новгорода XI—XVII веков, переизданный в 1959 году. Посмертно был опубликован потрясающий альбом его довоенных зарисовок Новгорода — созданная, казалось бы, непрофессиональным художником лирическая сюита; ее главными героями стали не только шедевры архитектуры, но и люди, с которыми Дмитрий Сер-

геевич тогда встречался. Я же, работавший на новгородских раскопках уже четвертый сезон, полагал себя чуть ли не коренным новгородцем и нашел в разговоре с Дмитрием Сергеевичем сюжет, для него неожиданный, а для меня остро пережитый.

Я рассказал ему о первых своих впечатлениях на новгородских раскопках пятилетней давности. В 1947 году, когда я по окончании первого курса приехал в Новгород, города фактически не было. Был громадный пустырь, заросший лопухами и бузиной, на котором там и сям возвышались руины храмов и кирпичные коробки разрушенных зданий. От стен Детинца был виден вал Окольного города, над которым поднимались столбы дыма. Это пока еще немногочисленные жители Новгорода осваивали под временное жилье блиндажи и ходы сообщения немецкой линии обороны, поставив в них печки-буржуйки и соорудив над ними толевые крыши.

Наша археологическая работа началась с прополки. На том самом месте, где потом было построено здание обкома КПСС, а ныне — областной администрации, мы выдирали с корнем лопухи и бузину (ее запах до сих пор мне отвратителен как напоминание о пожарищах и людском горе), а потом вскрыли дерн и сразу вышли на горизонт 1941 года. Это был зольный слой сгоревших деревянных домов, главными находками в котором оказались запертые висячие замки. Покидая Новгород, жители заперли дома с оставшимся в них жалким скарбом. Они рассчитывали вернуться и отпереть эти замки, но, вернувшись через три года оккупации, нашли лишь заросшее бурьяном пепелище.

Мы с Дмитрием Сергеевичем подошли к стене Неревского раскопа, и я показал ему в профиле многочисленные зольные и угольные прослойки культурного слоя — следы периодически уничтожавших город пожаров. Пожары — причина нашей отечественной исторической бедности. В отличие от средневековых горожан Западной Европы, живших в каменных домах и сохранивших в них свои архивы письменных документов, русский горожанин в средние века жил в деревянном доме. Такой дом удобен в нашем климате: зимой в нем тепло, летом прохладно, а строительный материал всегда под рукой. Однако сама скученность городских построек способствовала их неслучайной гибели от пожара. Мы раскопали в Новгороде остатки тысяч домов X—XV веков, и подавляющее их большинство несет на себе следы огня, уничтожившего книги и иконы, берестяные письма и предметы прекрасно украшенной утвари. Чем дальше в глубь столетий, тем меньше письменных и художественных свидетельств нашей истории: что не сгорело в XI веке, догорало в последующие столетия. Тем важнее оказывается работа по кропотливому выявлению и сбору новых источников в земле и архивах, но прежде всего именно в земле.

Об этой первой беседе с Дмитрием Сергеевичем я не раз вспоминал позднее. Она, я думаю, послужила первоначальным толчком к нашей совместной работе в Обществе охраны памятников истории и культуры, возникшем в середине 60-х годов, а потом — в Российском фонде культуры. Беседа вспоминалась мне и при чтении многих журнальных и газетных статей Дмитрия Сергеевича, связанных с этим общественным движением. Эти статьи были потом собраны в большой том под знаковым названием «Прошлое — будущему». Мне думается, что в этом названии и заключена главная, направляющая, общественная, нравственная идея, которую лучше всего поясняют не раз цитированные Дмитрием Сергеевичем устно и в печати пушкинские строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Да, мы живем на пепелище нашей истории. И такое же горькое чувство, какое я испытал, глядя на запертые новгородские замки 1941 года, мы испытываем при виде вскрытых лопатой археологов пепелищ древнерусских городов, уничтоженных шквалом татаро-монгольского нашествия XIII века. Жаль, что об этих пепелищах не знали или

не желали знать, не видевшие их, покойный Л. Н. Гумилев и процветающий ныне А. Т. Фоменко! Мне такое пепелище довелось увидеть и раскапывать во Вщиже, где планировка древней улицы определилась только по линии нанесенных на план городища запертых навсегда замков!

А что же сказать об «отеческих гробах»? На глазах родительского и моего поколений одно за другим стирались исторические кладбища. Кажется, в Москве последнее из них погибло при прокладке «Третьего кольца», когда бульдозер прокатился по могиле историка Петра Ивановича Бартенева. Мне особенно горько рассуждать на эту тему: кладбище, на котором погребены мои предки с материнской стороны, в процессе «укрупнения деревень» попало в зону расширения полигона ДОСААФ и стало вместе с сельской церковью объектом учебного бомбометания... Только энтузиазм Марии Юрьевны Барановской и ее сподвижников уберег могилы Веневитинова и Чехова, Гоголя и Левитана, по-видимому, мешавшие строительству социализма. Их останки были перенесены на Новодевичье кладбище. Но кости умерших в московских госпиталях офицеров и солдат, погребенных на Братском кладбище, легли под фундаменты новых домов. Мне памятна ретивая прыть одного из главных архитекторов Новгорода, мечтавшего ликвидировать Петровское кладбище, чтобы на его месте построить детский городок с каруселями и прочими аттракционами. По существу, именно кладбища, пришедшие в омерзительное состояние, с их ободранными церквями и часовнями, стали некими символами бездуховности, формируя неуважительное отношение к предкам, старине и традициям.

Вспоминая сегодня Дмитрия Сергеевича, я хочу обратить внимание, что пушкинскую цитату он продолжал словами так и не дописанного Пушкиным последнего варианта этого великого стихотворения, в котором о двух «дивно близких нам» чувствах говорится:

Животворящая святыня!
Земля б была без них мертва...

Приведя эти строки, Д. С. Лихачев писал: «Поэзия Пушкина мудра. Ни одно слово в ней не лишено смысла. Почему же любовь к “отеческим гробам” “животворящая”? Да потому что она ценностна, творчески активна, потому что она — одно из слагаемых культуры».

«Любовь к отеческим гробам» — синоним уважения традиции. Так же, как и «любовь к родному пепелищу». Это синоним уважения своей истории. У нее есть чему поучиться вопреки расхожему мнению о том, что исто-

рия якобы никого и ничему не учит. Меня не устает поражать народное долготерпение в постоянном возрождении традиции на своем пепелище. Живший в деревянном доме наш предок — русский человек — прекрасно знал, что его дом обязательно сгорит. Но как только дом, простояв десять, пятнадцать, от силы тридцать лет, сгорал, погорелец возводил новый и тут же наполнял его резной утварью, украшал разным узорочьем, как будто строил и обустривал его на века.

Дмитрий Сергеевич назвал сборник своих патриотических статей «Прошлое — будущему». Он знал и желал научить других, показать им, что у истории есть чему поучиться. За примерами обращусь к наиболее близкому мне (и Дмитрию Сергеевичу) Новгороду. Неповторим ли, уникален ли его феномен? В 10-х годах XV столетия в Новгороде была проведена реформа управления, резко расширившая его главный административный орган, который мы вслед за ганзейцами привыкли называть Советом Господ. Форма государственной организации Новгорода стала напоминать венецианскую, что было прекрасно осознано самими новгородцами. В 1420 году началась чеканка собственных серебряных денег — «новгородок», на которых изображена патронесса города святая София, вручающая коленопреклоненному посаднику символы власти. Это очевидная, бьющая в глаза реплика традиционного изображения на венецианских монетах, где патрон города святой Марк вручает коленопреклоненному дожу символы власти. Когда это тождество сюжетов было нами осознано, возникло недоумение. Венеция, как принято считать, была республикой купцов, власть же новгородских бояр основана на крупном землевладении. Значит, полного сходства нет? Напротив: появляется работа итальянского исследователя, доказавшего, что и власть венецианских патрициев опирается на крупное землевладение, естественно, не в лагуне, а по всему Леванту. Значит, все-таки полное сходство? Отнюдь! Венецианские патриции собирались под сводами Дворца Дожей, не колеблемого приливом народных страстей. Новгородские же аристократы обсуждали свои проблемы на вечевой площади, где полноправные «вечники» были окружены толпой, как мы теперь сказали бы, митингующих сограждан. Новгородский политический строй, в отличие от венецианского, нес в себе элемент *гласности*, о которой мы не так давно и так много с надеждой говорили.

Но что такое гласность? Возможность, хотя бы кликами порицания или одобрения, влиять на важные политические процессы, формировать творческую личность. Не отсюда ли

в какой-то степени проистекает знаменитый культурный взлет средневекового Новгорода, в котором были созданы шедевры зодчества, живописи, книжности? Ни отсюда ли непревзойденный уровень грамотности всех слоев его населения? Сегодня из культурного слоя Новгорода извлечены 915 берестяных писем; при том что вскрыты каких-нибудь 2% его древней территории. И это при том, что в землю попадает ничтожная доля того, что когда-либо было написано и не сгорело в печах и в пламени пожаров! (Замечу в скобках, что Дмитрий Сергеевич всегда интересовался нашими берестяными находками, реагируя на их публикации блестящими рецензиями).

Был в Новгороде и еще один завидный элемент политической жизни. С конца XIII века утвердился порядок ежегодного отчета перед вечевым собранием главных должностных лиц государства. Если деятельность посадника за год признавалась удовлетворяющей, ему продлевали полномочия на следующий год. Если же она оказывалась недостаточной, на посадничью степень избирали боярина из другого конца. В XV веке пошли дальше, сократив отчетный срок до полугода. Но это уже был очевидный перегиб, связанный с желанием многих боярских семей хотя бы недолго посидеть у государственного пирога.

Возвращаясь к пушкинским строкам, я все же должен заметить, что философски, как мне представляется, более значителен черновой, почему-то не удовлетворивший Пушкина и зачеркнутый им вариант характеристики «двух дивно близких нам чувств»:

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека —
Залог величия его.

Вдумайтесь в ключевое слово! Не стертое от постоянного употребления — *самостоятельность*, а гордое — **САМОСТОЯНЬЕ!** Какое емкое слово! В нем органически спаяны понятия свободы, независимости, возможности и готовности к действию и ответственности перед Богом и людьми.

В 1937 году, в столетнюю годовщину со дня смерти Пушкина, Иван Сергеевич Шмелев напечатал эссе «Тайна Пушкина», в котором задал до сих пор животрепещущий вопрос и ответил на него: «Если бы нас спросили о самом *важном*, — чего хотите? — вся Россия сказала бы: “самостоянья своего!”» Вот завет Пушкина, основы национального бытия. Как никогда еще за сто лет, мы тщимся найти «самостоянье» и в разброде, как никогда. Столько претерпев, нельзя оставаться прежними: страданья умудряют — возвышают.

Мы не смеем растрачивать богатства, страданием обретаемого. Должны помнить:

Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.

Приведя эту цитату из Шмелева, я должен заметить, что и стихотворение «Два чувства дивно близки нам», и «Скупой рыцарь», из которого взяты только что приведенные строки, созданы Пушкиным в 1830 году, то есть принадлежат к единому кругу взаимосвязанных размышлений поэта.

Надо ли пояснять, почему, перечитывая эти строки, я всякий раз с благодарностью думаю о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве!

И все-таки не на этой ноте хотелось бы закончить выступление. Археологи в силу специфики своих занятий не привыкли к адекватному восприятию (даже собратями-историками) добытых ими из земли источников, совсем непохожих на летописи, акты или литературные памятники. Тем значительнее постоянное внимание и понимание со стороны Дмитрия Сергеевича. Всеобъемлющая культура делала его желанным собеседником для людей всех возрастов. Каким молодым огнем зажигались глаза Лихачева

при восприятии наших специфических восторгов. Автор великой формулы «экология культуры» своим примером продемонстрировал животворящее воздействие на человека культуры, поддерживающей «экологию души». Дмитрий Сергеевич всегда был много моложе своих лет.

Не откажу себе в удовольствии рассказать один эпизод, о котором я узнал в Нижнем Новгороде от очевидцев.

Дмитрий Сергеевич, будучи в Нижнем, захотел побывать в Макарьевском Желтоводском монастыре. Секретарь нижегородского обкома, зная непристойное состояние этого памятника истории и культуры, стал объяснять, что монастырь недоступен для посещения: «половодьем снесло пристань», «затонул рейсовый пароход» и т. д. Дмитрий Сергеевич огорчился, но его молодые коллеги отвели его на пристань, посадили на пароход и доставили в Макарьев. У входа в монастырь сидела, пригорюнившись, некая бабушка, у которой Дмитрий Сергеевич что-то спросил. Та с трудом подняла голову и сказала: «Ох, сынок! Что ты говоришь, я ничего не слышу. Я ведь стала старая, глухая да глупая! Не поверишь — мне уже 80 лет». Дмитрию Сергеевичу тогда было 83 года.